ДАР РЕЧИ

Валерьян Латгальский

Человек с тремя родными языками

В век высоких технологий язык как научная дисциплина не выдерживает конкуренции с двоичным кодом. А между тем древнеримский поэт ПУБЛИЙ писал: «Речь — образ души». Не глаза, а именно речь. Ведь в начале было слово...

Лариса ЩЕБРЕНКО

Валерьян ИВАНОВ — человек, у которого три родных языка. По фамилии он русский, по паспорту — латыш, по рождению — латгалец. Журналист, филолог, писатель. Написал книгу, за которую еще не раз намотает нервы на кулак, но это труд его жизни — историко-лингвистическое исследование под грозным названием «Этноцид латгальцев в Латвии».

Свой 57-й день рождения Валерьян отметил молодецки: ночью проверял школьные тетрадки и готовился к собственному экзамену в университете, поскольку годом раньше стал учителем... и сам снова пошел учиться.

— В возрасте Христа я осознал не только своеобразие, самобытность, архаичность, но и научную ценность моего родного, запрещаемого властями и отрицаемого официальной наукой латгальского языка. И почувствовал внутреннюю готовность сделать что-то полезное для моего уничтожаемого народа, простите за высокопарные слова, — говорит Валерьян Иванов.

Латгалия — малая Индия

— Какими словами вы начали бы свою автобиографию?

— Родился у самой восточной границы Латвии — в латгальской деревне Козино Вилякского края. Прежде это был Балвский район Латвийской ССР, еще раньше — тот самый спорный Абренский или Пыталовский район. Наш дом от границы отделяли лужок и небольшая рощица. Летом я там пас скотинку, а осенью мы с отцом ходили в Россию по грибы. Если бы у Сталина, когда он проводил линию по карте, дрогнула рука, я родился бы в России. И как знать, судьба сложилась бы иначе...

— Откуда такое бережное отношение к языку?

— Я с детства наблюдал такую странность: зная русский, я понимал по-украински и по-белорусски, тем не менее для всего мира это были отдельные языки. А латыши в упор не понимали моей латгальской речи, но называли ее диалектом. Особенно это резало слух на филологическом факультете Латвийского университета, который я окончил по специальности «журналистика». В зрелом возрасте пришло желание разобраться в этом по-научному. Поэтому в середине 90-х я поступил в магистратуру, чтобы изучить диалектологию и найти ответ на вопрос: кто же я такой, латгалец, на самом деле? И что такое мой латгальский язык?

— И как, разобрались? Нашли?

— Нашел! Я выяснил, что латгальская речь помимо своеобразной лексики содержит большое количество фонетических, морфологических, синтаксических особенностей, характерных для языка, а не для диалекта. Я понял, что причины, по которым латышские власти не признают латгальский самостоятельным языком, чисто политические, а не научные. Но мне дали понять, что в демократической Латвии даже написать в магистерской работе формулировку «латгальский язык» вместо «латгальского наречия» не позволят...

— Основная мысль вашей книги?

— В книге я огласил научные доказательства древности и самобытности латгальского языка, с которыми каждый может ознакомиться на сайте www.langala.mozello.lv. В их числе — самый главный аргумент, которого в середине 90-х у меня еще не было: потрясающая близость латгальского языка... и санскрита. Поразительное сходство славянских и балтийских языков с древним языком индийских вед лингвисты подметили еще полтора века назад, но ни у кого не достало терпения взять санскритский словарь и построчно сравнить санскритскую лексику если уж не с латгальской, то хотя бы с русской или литовской.

Я это сделал. Получился Санскрито-латгальский сопоставительный словарь, содержащий более 5000 слов, которые на латгальском языке произносятся так же или почти так же, как на санскрите (записанном около 4000 лет назад), и означают точно те же или близкие понятия. Столь значительного количества общей с санскритом лексики нет ни в одном (за исключением, возможно, русского) из европейских языков, включая древнегреческий и латынь.

> **На самом деле более верным будет утверждение, что современный латышский — это искусственный диалект латгальского...**

Последние, как известно, объявлены официальной наукой языками — прародителями всех современных индоевропейских языков, включая балто-славянские. Но в этом случае латгальский язык никак не должен содержать больше санскритских лексико-семантических аналогов, чем латынь и греческий. Тем не менее — содержит. Таким образом, первый вывод: результаты моего исследования опровергают догму евроцентристского происхождения балто-славянских языков и народов.

— А как это касается взаимосвязи латгальского и латышского языков?

— Мой словарь пролил свет и на взаимоотношения латгальского и латышского, ради чего, собственно, и затевалась работа. В тех случаях когда латышские и латгальские слова похожи и при этом у них имеется общий аналог в санскрите, в 95 процентах случаев латгальская словоформа по звучанию и смыслу оказывается ближе к санскритскому аналогу, нежели латышская.

Но такого быть не должно, если права официальная балтистика и если латгальский язык — это диалект латышского (то есть более поздняя форма языка). Однако это факт. Может, теперь латышские филологи докажут, что не только латгальский, но и санскрит тоже образовался из видземского наречия латышского языка? Этот факт доказывает антинаучность и политическую ангажированность утверждений латвийской правящей верхушки о приоритете латышского. На самом деле более верным будет утверждение, что современный латышский — это искусственный диалект латгальского...

— Лотман писал, что в языке зашифрован культурный код нации. Нейролингвисты доказали, что язык относятся к высшей нервной деятельности человека. Без языка мы Маугли. Но, может быть, Маугли был счастлив вдали от «высшей нервной деятельности»?

— Не исключаю. Поэтому на баррикады никого не зову и прошу не приписывать моей книге политику — это научный труд. Латгальцы должны сами решить, нужно им это или нет. То же касается литовцев и русских, чья история в свете выявленных мною языковых фактов тоже выглядит иначе: нужна нам историческая правда или нет?

Если нужна, то давайте дальше искать ее вместе, ведь я затронул только вершину айсберга. Если нет — что ж, буду копать один. Потому что мне это нужно. Нужно, чтобы жили мой народ, мой родной латгальский язык, моя оболганная великая русская, балто-славянская цивилизация, из которой мы все выросли...

Подпись

«Мои университеты»

— Как у крестьянского мальчишки родилась мысль стать журналистом?

Подпись

— В университете на курсе за малыми исключениями мы были рабоче-крестьянскими детьми, мнившими себя без пяти минут интеллигенцией, поскольку полагали, что вузовский диплом — это и есть удостоверение интеллигента. Преподаватель Абрам Клецкин охладил наш пыл, заявив: «Интеллигент начинается только в третьем поколении».

Советская власть давала детям из народа широкие возможности для образования, но пользовались ими не все. Какая сила меня оторвала «от сохи»? Сегодня ответ на такие вопросы модно искать в реинкарнации. Мне недавно сказали, что в одной из прежних жизней я был тамплиером — значит, образованным парнем. И был якобы за это сожжен на костре. Будем считать, что моя тяга к журналистике и лингвистике идет из прошлых жизней...

— На каком языке вы писали дипломную работу?

— Мой родной язык — латгальский. Позже такими же родными для меня стали латышский и русский, который по окончании латышской школы «родным» еще не был: на журфаке МГУ, куда в 1978 году я пытался поступить, у меня в сочинении обнаружили-таки три ошибки, из-за чего пришлось вернуться в Ригу, в ЛГУ.

Но русский оттачивал в России: после третьего курса на журналистской практике оказался в Западной Сибири, у нефтяников, а второе лето провел на Дальнем Востоке — среди строителей Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В редакции мне назначали небольшую ставку, следовательно, я должен был писать — отлынивать не мог. С другой стороны, доводя мои материалы до ума, со мной вынуждены были возиться редакторы — опытные журналисты.

Они чиркали мою писанину, приговаривая: «Это не русский язык!» — «А какой же?» — ерепенился я. «Не знаю! — с отчаянием отвечал редактор бамовской малотиражки «Мосты магистрали» Владимир Лятычевский. — Но по-русски так не говорят!» И бессердечно вымарывал мои выстраданные «гениальные» формулировки почем зря. У меня сердце кровью обливалось, зато все правки, лексику, стиль русского языка я усваивал печенкой. Это стало потрясающей школой. Дипломную работу уже писал на русском — и с тех пор пишу и редактирую одинаково на русском и латышском...

> **Мне нужно, чтобы жил мой народ, мой родной латгальский язык, моя оболганная великая русская, балто-славянская цивилизация, из которой мы все выросли...**

— Почему решили снова стать студентом в 56 лет?

— В свое время, сдав магистерские экзамены, я отказался защищать работу. Пошел на принцип: если нельзя писать «латгальский язык», то не буду писать вовсе. Тогда я еще не был готов вступить в драку за латгальский язык. Нейтральную тему взять как-то не додумался. Тогда мне диплом магистра был не нужен. Сейчас понял, что должен вернуться в академическую среду. Но мне ответили: «Тех кредитных очков, которых хватало 20 лет назад, сегодня не хватает. Инфляция-с! Хотите — восстанавливайтесь в магистратуре и досдавайте!» Я подумал три минуты и согласился. И очень доволен. Учиться чертовски интересно. Я думаю, что человек молод, пока учится. Прекратил учиться — старик! Независимо от цифры в паспорте...

«Племя младое, незнакомое»

— Между вами и учениками разница в два поколения. Какой вы видите современную молодежь? Вам с ними интересно?

— Героиня фильма «Москва слезам не верит» говорила, что жизнь после 40 лет только начинается. Я готов поднять планку: после 50. На шестом десятке кроме прочего я еще освоил и новую для меня профессию преподавателя русского языка в колледже, о чем раньше никогда не думал. Для этого пришлось отучиться на курсах, получить сертификат педагога.

Но вот мой первый учебный год на исходе. Похоже, огневое крещение выдержал. Ученики у меня чудные, 1-й курс, то есть 10-й класс. Они меня возвращают в реальность. Мы живем представлениями о мире своей юности. Между тем мир и мышление людей меняется. Поэтому поколения не понимают друг друга. А тут я просто вынужден вникать в их образ мышления, иначе они мне башку снесут. И оказалось, что это мне тоже не только полезно, но и интересно: увидеть самого себя глазами сегодняшних 16-летних подростков...

Блиц-опрос

— Если не журналистом, то кем бы вы стали?

— Моряком...

— На каком языке вы думаете?

— На том, на котором что-то слушал или читал непосредственно перед «думанием». Впрочем, я об этом не думаю...

— Ругаетесь матом?

— Ругаться матом — то же, что швыряться собственными фекалиями. Попадешь ли в того, в кого целишься, — не факт, но сам будешь в г...не однозначно...

— Лучший способ улучшить свою жизнь?

— Практиковать йогу...

— Лучший способ ухудшить свою жизнь?

— Смотреть телевизор и наедаться на ночь...

— Ваш возраст счастья?

— 57 лет!

— Как отдыхают филологи?

— Люблю охоту, гитару и велосипед...

Вы нам писали...

газета — читатель — газета

Чудеса случаются

Здравствуйте, редакция!

Всегда с удовольствием вас читаю, но сейчас хочу особенно поблагодарить за материал «Обыкновенное чудо Татьяны ФРЕЗЕ» в №20. Как человеку верующему мне было очень интересно узнать, каким же образом восстанавливаются старинные иконы — ведь эта удивительно кропотливая работа не только дело техники, но еще и духовный труд. Реставраторы мне всегда представлялись благообразными старичками, а тут красивая молодая женщина, которая говорит и понимает про свою редкую профессию такие глубокие вещи!

Раз уж заговорили об иконах, хочу рассказать одну историю, которая произошла со мной пять лет назад. Моей маме исполнилось 70 лет, и чтобы поздравить ее, надо было ехать в Москву. Куда бы мы с мужем ни отправлялись, перед поездкой всегда заказывали молебен святителю Николаю, зная о его особом покровительстве путешествующим. А в этот раз еще и взяли с собой маленькую иконку Николая Угодника.

И вот мы вышли из дому пораньше и отправились на остановку автобуса. Но ждать его пришлось очень долго... Словом, когда мы приехали на вокзал, до отправления нашего поезда оставалось всего пять минут. Я была близка к истерике! В отчаянии я мысленно взмолилась: «Святителю отче Николае, помоги нам!» И тут случилось невероятное. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я схватила половину нашей поклажи и рванула к поезду, а муж с остальными вещами бежал следом.

Когда мы влетели на перрон, наш поезд стоял, хотя по времени уже должен был уехать. Я вскочила в первый попавшийся вагон — и поезд медленно тронулся. Муж с вещами оставался на перроне. Вдруг я увидела, как чьи-то руки втащили мужа в вагон... Из моих глаз потоком полились слезы. Это были слезы благодарности за милость Бога, явленную нам через святителя Николая...

Алла Е., Рига